ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «КРЫЛЬЯ ИЗ ДЫМА И ЗОЛОТА»

АВА РИД

ТИШИНА МОИХ СЛОВ

Ава Рид

Тишина моих слов

Серия «Young Adult. Догоняя мечты. Романы Авы Рид»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63754126
Ава Рид Тишина моих слов:
ISBN 978-5-04-116583-3

Аннотация

Семнадцатилетняя Ханна перестала говорить после гибели сестры-близняшки. Ханне кажется, что вместе с Иззи она потеряла часть самой себя. Чтобы облегчить свою боль, она каждый день пишет письма Иззи, а потом сжигает их.

Родители отправляют Ханну в школу-интернат для подростков, которые получили психологическую травму. Там она знакомится с Сарой и симпатичным парнем Леви.

Для Ханны это шанс отпустить прошлое и снова обрести себя. Но как сделать шаг навстречу новой жизни, когда не можешь вымолвить ни слова?

Содержание

Плей-лист 6
Письмо к Иззи 8
Глава 1 9
Глава 2 16
Глава 3 25
Глава 4 36
Глава 5 39
Глава 6 44
Глава 7 57
Глава 8 62
Глава 9 70
Конец ознакомительного фрагмента. 73

Ава Рид
Тишина моих слов

Ava Reed
DIE STILLE MEINER WORTE
Copyright © 2018 by Ava Reed
Dieses Buch wurde vermittelt von der Literaturagentur erzähl: perspektive, München (www.erzaehlperspektive.de)
Перевод с немецкого Ольги Полещук
Художественное оформление Екатерины Тинмей

© О. Полещук, перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Плей-лист

Adele – Water Under the Bridge
Andra Day – Rise up
AnnenMayKantereit – Barfuß am Klavier
Ben Cocks – So Cold
Birdy – Wings
Birdy & Rhodes – Let it all go
Chord Overstreet – Hold On
Cloves – Don’t Forget About Me
Coldplay – Fix you
Ella Henderson – Yours
Fleurie – Breathe
Imagine Dragons – Dream
Imagine Dragons – Not Today
James Bay – Incomplete
Jessie J – Who You Are
Katelyn Tarver – You Don’t Know
Of monsters and men – Little talks
One Republic – Let’s hurt tonight
Susie Suh – Here with me
The Chainsmokers & Coldplay – Something Just Like This
The Chainsmokers ft. Hailey – Closer
Tom Odell – True Colours
Tracy Chapman – Fast car

Жаклин Штумпфе

Потому что ты показала мне,
что значит оставаться верной
самой себе и что все потерянное
можно обрести вновь.
И саму себя тоже.

Лизе Херман

Потому что ты научила меня
тому, что тихие слова иногда громче всех остальных и самые сердечные.

Ники, Сэми, Дженни, Ханне и Бинии

Потому что у вас невероятно большие сердца и вы дарите мне свою дружбу.

Тебе.

Потому что ты это сейчас читаешь.
Не забывай, что порой нормально
быть ненормальным.

Письмо к Иззи

Все несказанные слова во мне – это одновременно понимание и непонимание, они – одиночество и компания, они – моя тюрьма и моя свобода. Они как незнакомцы, что обнимают меня, и как друзья, что поворачиваются ко мне спиной. Они здесь, а наружу выйти не могут – они как я.

Нас окружают одни и те же стены, сдерживают одни и те же границы. Я знаю, откуда они берутся, я чувствую, что они есть, но не знаю, как их снести. И хочется ли мне этого.

Я боюсь. Боюсь безмолвия моих слов. Так все и идет, день за днем, одновременно борьба и танец.

Каждый день, с тех пор как тебя не стало, Иззи.

Глава 1
Ханна

ТИШИНА МОЖЕТ БЫТЬ ГРОМЧЕ БУРИ

Это она – последняя коробка, в которой моя прежняя жизнь въезжает в новую. Последняя коробка, полная воспоминаний, про которые я еще не знаю, спасут они меня или задавят.

Мой взгляд блуждает по комнате, по стенам радостного пастельно-желтого цвета, старому деревянному полу, добирается до новой кровати и белых комодов, которые папа уже собрал. В мыслях я слышу, как они с мамой говорят: *новое место, новый дом, все сначала. Все будет хорошо, Ханна!*

Но разве новое всегда лучше?

Дрожащей рукой я вытираю в уголке глаза слезу, убираю с лица пряди волос и тяжело вздыхаю, потому что ясно только одно: не может быть, чтобы стало еще хуже. Все уже плохо, очень больно, и это реальность. Моя жизнь – это нарастание всего плохого, превосходная степень одиночества и потерянности. Потому что Иззи нет, и ни новый дом, ни новая комната или новая жизнь ничего изменить не способны. Невозможно стереть воспоминания. Их нельзя просто взять и забыть. Их нельзя изменить. Так же как и тот день. Неважно,

насколько новое все вокруг, – я новой не стану никогда.

Беспорядочно громоздятся десятки коробок, заполненных вещами, которые прежде что-то значили для меня. Теперь это просто какие-то вещи. Легко заменяемые, ничтожные, недолговечные.

Исключение составляет лишь одна коробка. Единственная. В ней ничего нет, кроме одной из любимых футболок Иззи с надписью *Hakuna Matata*, моего блокнота, ручки, нашей с Иззи фотографии в рамке, свечки и спичек.

Я медленно направляюсь к ней, она стоит немного в стороне от других. Опускаюсь на колени и, раздвинув половинки крышки, тяну их вверх. Картон трещит и поддается с трудом. Я осторожно засовываю руку внутрь, кладу блокнот и ручку рядом с собой, как и футболку с дырками, в которую ненадолго зарываюсь лицом. Она давно уже не пахнет Иззи. Фотография у меня в руках кажется тяжелой – такое чувство, словно она из другого мира, из далекого прошлого. Касаюсь кончиками пальцев недавно купленной белой резной рамки и прохладного гладкого стекла. Я так хорошо помню день, когда этот снимок был сделан, что почти слышу смех Иззи. Вижу ее и вижу себя – вижу ее в себе и себя в ней. Моя рука, будто сама собой, ложится на стекло над Иззи. И она исчезает. Нет, она уже много месяцев как исчезла.

Тяжело дыша, я закрываю глаза, сглатываю ком в горле и прогоняю мысли, которые вызывают так много чувств и слов. Так много всего, чему в любом случае никогда не выбраться

наружу.

Внутри у меня все болит. Эта боль так сильна, что ее уже не выразить, потому что она перешла все границы. Такую боль не выпустить наружу, потому что любого крика, любых слов и любых слез будет слишком мало для нее.

Руки касается что-то мягкое, и я вздрагиваю. Мой взгляд встречается с любопытным взглядом Мо. Мо – это кот Иззи. Был. И я не могу посмеяться над иронией судьбы, состоящей в том, что он из-за трехцветного, рисунчатого окраса считается приносящим удачу. Может, она понадобилась ему самому, может, ему повезло, потому что он потерял только половину уха и немного шерсти, а в остальном с ним все в порядке.

Мяукнув, Мо усаживается рядом и начинает мурлыкать. Иногда это успокаивает меня, прогоняя из головы все, пока там не остается одна пустота, в которой эхо мурлыканья накапливается, превращаясь в мелодию. Иногда это помогает. И это «иногда» – всего лишь цветная точка на монохромном полотне. Пятнышко краски, которое вот-вот утонет в море черного и белого.

До меня доносятся шаги и скрип ступеней, давая мне время взять себя в руки прежде, чем в дверь трижды постучат, хотя она и так открыта. Я продолжаю поглаживать Мо, чувствуя, как напрягаются мышцы, как каждая клеточка моего тела хочет снова остаться в одиночестве. Потому что быть в одиночестве означает не что иное, как быть без Иззи. Вечно.

Не имея возможности ничего изменить. Ничего другого не заслуживая.

В дверном проеме в нерешительности стоит отец, я вижу его краем глаза. *Что тебе нужно?* – проносится у меня в голове, но я ничего не говорю. Не могу.

– Тебе нравится комната? – Голос его звучит бесконечно устало и вместе с тем нарочито весело. Его выдают громкое покашливание и робкие шаги в мою сторону. Ему не хочется быть здесь. Совсем не хочется. После того, что случилось.

– Кровать почти такая же, как твоя прежняя, и в комодах у тебя теперь больше места. Мы с мамой распаковываем внизу первые коробки. Может, поможешь нам?

Я непроизвольно поднимаю глаза и, запрокинув голову, разглядываю его лицо. Он выглядит бледным, в темно-русых волосах мелькают первые седые пряди. Он стоит передо мной, засунув руки в карманы брюк, и пытается улыбнуться. Просящей, умоляющей улыбкой, хотя прекрасно знает, что это ни к чему не приведет. Я спрашиваю себя, что больнее: поражение само по себе или когда, еще делая что-то, осознаешь, что потерпишь поражение. И та ли это боль, которая знакома мне.

В это мгновение очень хочется, чтобы внутри у меня не было никаких стен и я могла бы накричать на него. На него и на весь мир. Но ничего не выйдет, потому что я не знаю, что сказать. Потому что ни одно из великого множества слов ничего не изменит. Ни одно! Ничего, кроме того, что они были

сказаны и назад их не взять. Если их однажды произнесли, они продолжают звучать и никогда не затихают, ведь слова – это дети вечности.

– Может… Может, тебе лучше сперва освоиться и начать распаковывать вещи. – Он, избегая моего взгляда, беспомощно приглаживает волосы и наконец уходит.

Разочарование. Оно, пульсируя повсюду в комнате, подавляет меня и вновь нагоняет на глаза слезы. Наша с Иззи фотография соскальзывает с моих ног, когда я подтягиваю их, чтобы положить на них голову. Я тихо плачу, но боль от этого не проходит.

Я сижу на полу в своей новой жизни – и разлетаюсь на множество осколков. Каждый осколок, часть меня, продолжает раскалываться. Они становятся все меньше и меньше, потому что ничто и никто не в состоянии сложить их воедино. С тех пор как Иззи больше нет, разбиваться у меня получается особенно хорошо. С тех пор как Иззи больше нет, я знаю, каково это.

Наконец слезы высыхают, переходят в какое-то глухое чувство, во что-то, что укладывается спать. По крайней мере, на несколько часов. Мо по-прежнему мурчит, и я, прежде чем встать, осторожно отодвигаю его, вытираю лицо и беру блокнот и ручку.

Пора.

Мо тут же сонно поднимает голову, с громким мяуканьем следует за мной к кровати и снова опускается рядом. С тех

пор как не стало Иззи, он от меня не отходит. Не знаю, понимает ли он, что я – не она.

Я открываю блокнот, и передо мной зияет пустота. Белые страницы без всякого содержания. Так, словно я еще никогда не писала Иззи, а при этом писем уже десятки. С тех пор как она ушла – десятки предложений, слов и мыслей. Десятки разных чувств и вещей, о которых я не смогла сказать ей.

Снимаю с ручки колпачок и, глубоко вздохнув, прижимаю ее к бумаге, пока не появляется первое синее пятнышко, немножко цвета. Легкое поскрипывание стержня по бумаге успокаивает меня, как и чернила, что расходятся изогнутыми линиями. Лист заполняют строчка за строчкой, и мне от этого хорошо, это больше, чем просто какая-то привычка, больше, чем что-то, за что я цепляюсь. Это одурманивает. Это капля надежды. На то, что Иззи каким-то образом прочтет мои слова. Когда-нибудь. Что эти слова найдут и обнимут ее, подарят ей тепло, где бы она ни была. Что эти слова не останутся невысказанными.

Все мы умрем, и, вероятно, несомненность этого факта пугает нас больше, чем сама смерть. Если бы я могла загадать желание, то не просто попросила бы вернуть мне жизнь Иззи, нет, я попросила бы, чтобы мы с ней подольше оставались вместе.

Я попросила бы время. Бесконечно много времени.

Если бы ты была здесь, мы бы вместе смеялись и вместе плакали, мы бы ссорились и раздражали друг

друга. Я бы ругалась на Мо за то, что он опять улегся в мою постель вместо твоей, а ты бы отчаянно его защищала. О Иззи! Ты ушла и так много забрала с собой. Словно забрала у меня все мои слова, мою речь и голос. Словно украла у меня одно крыло. Вместе мы составляли единое целое. Ты была сердцем и душой, я – головой. Поэтому без тебя так пусто.

Глава 2
Ханна

НЕ ВСЯКИЙ КОНЕЦ – ЭТО НАЧАЛО ЧЕГО-ТО НОВОГО,
И НЕ ВСЯКОЕ НОВОЕ НАЧИНАНИЕ ОЗНАЧАЕТ КОНЕЦ

Мама с папой сказали, все будет по-другому. Они хотели начать сначала, нет, им пришлось, иначе бы они этого не вынесли. Но, думаю, они, как и я, понимают, что это ничего не дало. Все было большой ложью – все ею и остается. Я по-настоящему осознаю это, когда мы впервые вместе ужинаем. Именно сейчас. На новом месте, в новом доме. На ужин у нас лазанья. Любимая еда Иззи. В том-то и проблема: Иззи больше нет, и тем не менее она все еще здесь, и нам не умчаться так быстро и далеко, чтобы об этом забыть.

История Иззи написана, и ее не стереть. Она сидит глубоко в нас, и каждое воспоминание, каждый миг впечатаны в сознание, каждое слово и смех услышаны, в памяти сохранена каждая ссора, поровну поделены все слезы и все страхи. Когда Иззи была здесь, моя жизнь напоминала катание на велосипеде с опорными колесами – теперь мне нужно учиться ездить без них…

Уйдя в свои мысли, я ковыряюсь в разных слоях пасты

между соусами бешамель и болоньезе. Сквозь большое окно столовой светят последние лучи солнца. Свет играет с тенями, а я заставляю себя, вилка за вилкой, доносить до рта лазанью и что-то глотать.

Я думаю о своей новой комнате. Все коробки пусты, все убрано на места. Все, кроме той единственной свечи в той единственной коробке.

– Ты не голодна? Что-то не так? – Мама смотрит на меня с беспокойством и какой-то неловкостью, потому что знает, как глупо звучит этот вопрос. Он настолько же прост, насколько и сложен. Конечно, все не так. И «так» никогда уже не будет. Я потеряла часть себя – а они? Им довелось хоронить собственного ребенка. Это неправильно.

Вилка выскальзывает у меня из рук и со звоном падает на тарелку. Несколько капель соуса попадают на скатерть. Красный с оранжевым не сочетается, и мне не отвести глаз от этого смешения цветов, которые не подходят друг другу, но выбора у них нет.

Здесь так тихо. Если бы только не было так тихо. Я стискиваю вспотевшие руки, пытаясь успокоиться. *Раз, два, три*, звучит у меня в голове, считать и дышать – и пытаться забыть.

– Ешь быстрее! А то уведу лазанью у тебя из-под носа, – слышу я, как говорит Иззи с набитым ртом. У нее жуткая борода из соуса болоньезе, а щеки раздуты, как у хомяка.

Чудо, что она еще умудряется жевать.

– Ни за что! Не трогай! – Защищая еду, я слегка наклоняюсь над тарелкой и выставляю вперед руку. И тут мы хитро улыбаемся. Обе. При этом у Иззи изо рта вываливается кусочек лазаньи и шлепается на мамину новую скатерть. Мы хохочем до упаду, пока, держась за животы, не начинаем задыхаться.

– А что, если тебе поискать себе новую компанию? – вырывая меня из воспоминаний, спрашивает папа. Он говорит это так, словно ничего не случилось. Словно мама не спрашивала, что не так, словно я не роняла вилку и все в порядке. И запихивает в рот приличный кусок лазаньи. Мама с противоположной стороны стола смотрит на него с благодарностью, и на губах у нее легкая улыбка. Черты лица ее заметно смягчаются, напряжение исчезает.

– Да, возможно, это удачная идея! В конце концов сейчас ведь каникулы, погода прекрасная и до начала занятий в школе еще пять недель.

Я незаметно качаю головой, пальцы у меня судорожно сцеплены, губы плотно сжаты. В голове все смешалось, на поверхность просятся и другие воспоминания. Но я сопротивляюсь.

– Это было бы хорошо! Ты умеешь общаться с другими, тебе это нравится. Ты тут же найдешь новых друзей. – Он отправляет в рот еще один кусок лазаньи, на лице никаких

эмоций. Пытаясь подавить спазм в горле, я по-прежнему напряженно сверлю взглядом стол, минуя оранжево-красный дуэт пятен, рассматриваю особую фактуру льняной скатерти. И единственное, о чем я думаю, это: мне *было* хорошо! Я *умела* общаться, мне *нравилось*. Да, нравилось. Но теперь с некоторыми вещами покончено. Не всегда окончание означает начало чего-то нового.

– Ты меня вообще слушаешь? Иззи!

Я, рывком подняв голову, смотрю отцу в глаза. У меня перехватывает горло, глаза расширяются. Поверить не могу, что он сказал – как он меня назвал. Эти четыре буквы, сами по себе не имеющие никакого смысла. Эти четыре буквы, вместе означающие для меня целый мир. Иззи.

Я – не она.

Мама шумно вздыхает, но я не могу оторвать взгляд от отца. Я тяжело дышу, во мне бушует ураган ярости и скорби, разочарования и вины, неверия и боли.

Он опускает вилку, и я вижу – ударом под дых его настигает осознание того, что сейчас что-то пошло не так. Взгляд его беспокойно блуждает по комнате, плечи напрягаются, выражение лица меняется. Но что конкретно он осознал? Что Иззи мертва или что он сделал мне больно? Больнее, чем я готова признать?

Я жду. Какой-нибудь реакции. Бросаю быстрый взгляд на маму, которая ощущает то же самое и почти умоляюще смотрит на отца. Но ничего не происходит. Вообще ничего. Он

даже не решается больше взглянуть на меня, и на миг кажется, что он потерял дар речи – он, а не я.

Проходит несколько секунд, но они растягиваются в минуты. В мучительную вечность, где имя Иззи, произнесенное, повторяется эхом снова и снова и где отец не находит в себе сил взять его назад.

Я резко вскакиваю, и стул проезжает по паркету с громким царапающим звуком. У меня кружится голова, мне плохо, грудная клетка вот-вот лопнет, потому что за ней скопились все мои чувства и ждут возможности вырваться. Но кричать я не могу, сказать ничего не могу. Значит, у них есть только один путь наружу, а сейчас я меньше всего хочу, чтобы кто-нибудь видел мои слезы. В это мгновение мне стыдно, что я – это я, и уму непостижимо, что виной тому мой отец.

Заплетаясь в собственных ногах, бегу вверх по лестнице, на заднем фоне слышу голос мамы, фальшивой мелодией раздается звук разбивающейся посуды. Задыхаясь, добегаю до своей комнаты, закрываю за собой дверь и пытаюсь восстановить дыхание. С тихим стоном вцепившись в волосы, падаю без сил.

Ханна, Ханна, Ханна. Это мое имя. Даже если бы я хотела быть Иззи. Даже если бы я все сделала для того, чтобы поменяться с ней… Сейчас больно только оттого, что смотрели на меня, а видели ее.

То же чувство, как и в день, когда мне сказали, что спасти Иззи не смогли. Мне так же тяжело, так же больно. Я вновь

ощущаю ту же потерянность и то же бессилие.

Наконец я нахожу в себе силы встать. Ноги словно ватные, глаза жжет, они сухие, как и горло. Солнце зашло, но сумеречного света достаточно. Пошатываясь, с покалыванием в непослушных ногах я иду к большому зеркалу в другом конце комнаты. И внимательно всматриваюсь в него. Слегка загорелая кожа, длинные светлые волосы, голубые глаза. Вздернутый нос. Я до боли похожа на Иззи.

Откидываю в сторону разлохмаченные волосы. Комнату освещают последние лучи солнца, я вытираю с лица следы слез, и тут что-то внезапно меняется. Я выпрямляюсь, поднимаю подбородок, расправляю плечи и впервые, с тех пор как Иззи больше нет, чувствую внутри какой-то толчок. Я знаю, что нужно делать. Завтра утром сделаю то, что хотят родители: начну все сначала.

Губы трогает улыбка, я это не только чувствую, но и вижу в зеркале перед собой. Во мне внезапно поселяется искра. И неважно, какая именно. Это искра. Она больше, чем когда-либо, после ухода Иззи.

Ноги несут меня к кровати, рука автоматически берет блокнот и ручку. Я включаю лампу на тумбочке и глажу Мо, который тут же начинает урчать.

Ненадолго застываю, дрожа, и перевожу дух. Затем, испытывая хорошо знакомое чувство, я вижу чернила на бумаге, слышу слова, непроизнесенные, но написанные.

На странице теперь красуется большое чернильное пятно, ручка в этом месте слишком надолго застыла без движения. Я глубоко задумалась. Решительно отложив ее в сторону, рывком выдираю страницу, точно так же как и предыдущие, на которых писала этим утром, и кладу блокнот на кровать. Он опять пуст и чист. Так, словно ему нечего рассказать и никто никогда ничего не рассказывал ему. Но видимость обманчива. Я уже поверяла ему так много всего, записывая лишь для того, чтобы раз за разом отнимать. Заполняла на какое-то время лишь с тем, чтобы позже взять у него значительно больше. И иногда, глядя на него, я вижу себя. Я – блокнот. Я – белая бумага. Жизнь что-то рассказала мне, жизнь подарила мне Иззи – а затем одним рывком забрала. Раз за разом она что-то вырывает из меня, и я не в силах этому помешать…

Со страницами в руках я иду к комоду и беру спички. При слабом свете ночника открываю дверь на маленький балкон. На улице все еще жарко, только легкий ветерок обдувает лицо, заставляя ненадолго прикрыть глаза. Опускаясь на колени, кладу листы бумаги на пол. Я делаю это неделю за неделей, и все равно каждый раз мне тяжело на душе. Каждый раз у меня дрожат руки. Каждый раз, когда огонь, охватив бумагу, разрастается, ярко вспыхивает и уничтожает все мои обращенные к Иззи слова.

Я чиркаю, спичка загорается, вспыхивает пламя, такое маленькое и все же такое могущественное. Оно извивает-

ся, когда я подношу его к бумаге, а затем я наблюдаю, как оно делает свое дело. Ничего не остается, кроме пепла. Мои мысли стали словами, что сейчас сгорают и снова становятся мыслями. Но теперь у меня ощущение, будто я их произнесла. Тихо и в то же время очень громко.

Оставляя меня в полутьме, пламя гаснет, ветерок уносит прочь остатки пепла, и я возвращаюсь в комнату. Прислушиваюсь, но в доме полная тишина. Родители не попытались еще раз заговорить со мной, не поднялись наверх. Вероятно, они теперь сдадутся, ведь я все равно ничего не отвечаю. Потому что не могу. Думаю, я разучилась произносить свои мысли вслух, разучилась находить звуки. Я не знаю, как говорить, такое ощущение, будто я никогда этого и не знала. Автоматизм пропал. Нет, это что-то, для чего у меня нет инструкции.

Мы здесь, в этом чужом месте, я сижу на чужой кровати в чужой комнате, потому что все, что у нас было, ушло с тобой. Завтра и я стану чем-то чужим. Завтра кое-что изменится. Может, тогда я буду соответствовать этому месту. Может, если помножить чужое на чужое, получится что-то родное.

Мне жаль, Иззи. Мне жаль, что я – не ты. Сегодня мне показали, что об этом сожалеют и другие.

Я так похожа на тебя. Но теперь, когда тебя нет, я постоянно спрашиваю себя, кто я на самом деле. Я знаю, кем была рядом с тобой. Частью чего-

то, половиной тебя. Но что я для себя самой? Это мне неизвестно. И мама с папой, вероятно, тоже этого не знают. Они сказали, что мне нужно найти себе компанию и снова начать с кем-то общаться. Искать компанию – означает искать нового друга. Новую половину, частью которой я смогу быть.

Но, Иззи, как это возможно?

Не все, что сломано, можно починить. Какие-то вещи так и остаются сломанными навсегда.

Глава 3
Ханна

НЕ ВСЕ ПЕРЕМЕНЫ
ЧТО-ТО МЕНЯЮТ

Глаза у меня опухшие, потому что этой ночью я так и не нашла покоя. Несколько часов я зависала в ноутбуке, путешествуя по интернету. Между делом подсыпала корм Мо или просто лежала с ним на полу и таращилась в окно. Сейчас светает, а я устала больше, чем думала. Зевая, потягиваюсь перед зеркалом и собираю волосы в пучок. На мне по-прежнему вчерашние джинсы, топик слегка помялся. Переодеваться нет сил, есть только желание что-нибудь сегодня изменить.

Я на цыпочках прокрадываюсь в ванную, что находится прямо напротив моей комнаты, за мной по пятам – Мо, который укладывается у моих ног у раковины. Этой ванной пользуюсь только я, родительская внизу, рядом с их спальней. Я пытаюсь не заснуть, пока чищу зубы и потом, когда наношу на лицо крем и маскирую косметикой хотя бы темные круги под глазами. Вид у меня ужасающий. Плевать. Это изменится.

Протягиваю руки к Мо, он встает и тянется мне навстречу. Аккуратно положив его на плечо, проскальзываю назад в

комнату. Там мы с ним выжидаем, спокойно и тихо, я, считая секунды, наблюдаю, как солнце медленно тащится все выше и выше.

Наконец пора. Кладу Мо на кровать, прихватываю сандалии, лежащий рядом с ноутбуком клочок бумаги с адресом и картинкой, кошелек, ключ и собираюсь выйти. Мо идет следом, но я вздыхаю. Он, склонив голову набок, вопросительно смотрит на меня, а я качаю головой. Нет, Мо, сегодня тебе со мной нельзя. Возвращаю его на кровать и, нежно погладив, опять направляюсь к двери, которую, выйдя из комнаты, быстро закрываю за собой. На этот раз Мо должен остаться дома.

В доме ни звука, ни шороха. Спускаясь по деревянной лестнице, перепрыгиваю через предпоследнюю ступеньку – она обычно жутко скрипит.

Бросаю взгляд в сторону родительской спальни и чувствую, как во мне растет сомнение, вопрос, почему я хочу это сделать и необходимо ли это, но рука уже нажимает на ручку входной двери и ноги выносят меня из дома. Я давно решилась.

Вдыхая свежий и пока еще относительно прохладный воздух, я все крепче сжимаю в руке записку. На попятный я не пойду. Слишком поздно идти на попятный.

Чик, чик, чик, чик. Ножницы равномерно проходят по длинным, тяжелым волосам, и с каждой прядью, что падает

на пол, мне становится все легче. Да, это правильно. Да, это необходимо.

Вчера вечером, когда я посмотрелась в зеркало, а оттуда на меня глянула Иззи, я поняла, что нужно что-то изменить. Мне недостает Иззи больше всего на свете, но я – не она. Не хочу так выглядеть – частью чего-то целого, чего-то, что в таком виде уже не существует.

Ночью я искала в интернете что-то, что будет походить на меня меньше всего и в то же время как-то мне соответствовать, – и распечатала эту фотографию.

Я приехала на велосипеде сюда и с тех пор, как вошла в парикмахерскую, судорожно сжимаю обеими руками, словно якорь, изображение своего нового «Я». Со мной дружелюбно поздоровались, но я, дрожа, лишь высоко подняла картинку и ткнула в нее пальцем. В картинку, а затем в себя.

И вот я сижу в одном из этих красных кожаных парикмахерских кресел, а Фанни делает из меня нового человека, как она радостно сообщила мне вначале. Быстро заметив, что я не разговариваю, она и сама умолкла. Только время от времени улыбается мне, что слегка снимает напряжение, даже если она об этом и не догадывается. Фанни чуть выше меня, плотная, с ярко-рыжими волосами и пирсингом на лице. Она кажется добродушной, такой, что и мухи не обидит. Она безмятежная и радостная – и напоминает Иззи.

Уверенными движениями она размахивает расческой и ножницами в такт музыке по радио. Внезапно у меня пере-

хватывает горло, но я не обращаю внимания, ведь чутье говорит мне, что это нужно сделать. Если бы потребовалось назвать причину, я бы не смогла. Может, то, что осталось от человека, которым я была прежде, так бунтует против того, кем я стала теперь. А может, я просто не в силах больше видеть себя, потому что «видеть себя» означает «видеть Иззи».

– Ну вот и все! Закончили. Как тебе? – Пару часов спустя все свершилось. Фанни приглаживает мне волосы, я встречаю в зеркале ее взгляд и только теперь вижу себя по-настоящему. Только теперь осмеливаюсь встретиться с моим другим, моим новым «Я». От неожиданности задыхаюсь, дыхание ускоряется. Я вижу, как у меня расширяются глаза, а губы складываются в маленькую букву «о». Медленно поднимаю дрожащую руку. Фанни, отойдя в сторонку, не беспокоит меня.

Моя рука дотрагивается до волос: вроде бы такие же, как всегда, только теперь намного, намного короче. Я знала, что меня ждет, – и все же не знала. Снова и снова пропускаю прядки сквозь пальцы. Они мягкие и на ощупь непривычно чужие, до меня доносится аромат шампуня, цветочный, свежий. Затем, подняв и другую руку, я провожу ею по голове слева. Здесь волоски щетинятся, но не колются и не царапают кожу. Вот и нет моей длинной светлой гривы, короткие черные волосы на свету слегка отливают синевой, отчего глаза кажутся больше и светлее. Справа они спадают до подбородка, укорачиваясь к затылку, а слева ничего не осталось.

Безупречный side-cut. Благодаря иссиня-черному цвету волос кожа сияет, и голубые глаза тоже. К сожалению, выделяются и появившиеся этой ночью круги под глазами.

Контраст огромен.

– Мне кажется, замечательно! Тебе идет, – подбадривает Фанни, потому что я не издаю ни звука. Она и не подозревает, что дело не в ней. Я смотрю на нее с благодарностью, надеясь, что она поймет. Я глубоко верю в то, что некоторые вещи можно понять и так. Без объяснений. Не сознавая, каким органом их понимаешь. Просто знаешь, что так и есть. И я молюсь в душе, чтобы и Фанни как-нибудь догадалась. Сообразила, что вот это вот для меня больше, чем стрижка. Что, сделав ее, я потеряла и приобрела больше, чем она может себе представить.

– Пойдем, можешь взять еще шампунь. – Фанни идет к стойке администратора, и я медленно следую за ней. Мой взгляд постоянно ищет зеркало, чтобы подтвердить: все происходит на самом деле и я теперь выгляжу по-другому. Уже не так, как Иззи, но и не так, как Ханна. И я спрашиваю себя, действительно ли это преображение что-то изменило.

Заплатив, я выхожу из парикмахерской. Не в силах удержаться, опять провожу рукой по стриженому затылку, верчу головой, которая ощущается легкой, почти что обнаженной. Я чего-то жду. Возможно, что появится радость или волнение, или внезапные угрызения совести. Но ничего не появляется. Только слова. В голове без остановки крутится: «ни-

чего не изменилось»! И я киваю, потому что это правда.

Я плюхаю шампунь в корзинку. Руки хватаются за руль пестрого велосипеда, правая нога перемахивает через седло. Сделав глубокий вдох, рывком трогаюсь с места. Ноги словно сами по себе нажимают на педали, я не могу их остановить. И это притом что дыхание становится все чаще, а глубоко в душе что-то все сильнее сжимается. Все во мне кричит: ты едешь не туда! Мне хочется уехать далеко-далеко, а не домой.

Страх. Это страх. Но ужасен не страх сам по себе. Нет, страшнее всего, когда не знаешь, чего боишься. Когда он просто есть и обнимает тебя, как старый друг, – сковывая, вместо того чтобы защитить.

Домой я приезжаю вся в поту, сжимая руль с такой силой, что сводит пальцы. Мне не пошевелиться, не отделиться от велосипеда и не войти в дом. Несколько часов назад идея нового «Я» виделась каким-то откровением, искрой мятежа. Вообще искрой чего-то.

А теперь? Теперь все кажется ошибкой. Так, словно ко всему чужому, что окружает меня, я добавила еще частицу. И нет, ничего прежнего, хорошо знакомого из этого не получилось.

Увещевая саму себя, я на секунду крепко зажмуриваю глаза, пока не становится больно.

Ты сможешь. Тебе нужно лишь ставить одну ногу перед другой, Ханна. Медленно, шаг за шагом. Сперва отпусти ве-

лосипед. Ты же знаешь, что умеешь ходить, ты знаешь, как это делается. Тебе нужно дойти до двери всего несколько метров и открыть ее. Ты уже делала это, ты сможешь. Ты зайдешь…

Тяжело вздохнув, я открываю глаза, а рука еще крепче вцепляется в руль велосипеда. Становится жарче, все сверкает на солнце, ослепляя меня, небо ярко-голубое и ясное, нигде ни облачка.

Даже если бы я могла говорить, то не смогла бы объяснить, зачем сделала это. Маленькая искорка еще живет во мне, я ощущаю ее где-то в отдаленных закоулках души, но ее не хватает. Потому что ни ей, ни мне не ясно, к чему она здесь и против чего мы восстаем: против смерти Иззи? Против отца? Против чувства вины? Этой жизни? Неважно, что это, но искра всего лишь искра. И она слишком слаба, чтобы бороться с тем, с чем мне надо бы бороться. Она не внесет меня в дом, не подвигнет заговорить, а моего отца – понять, какую боль мне причинил. И уж Иззи ей точно не вернуть.

– Наконец-то! Где ты была? Мы беспокоились! Мы…

Я, полностью погруженная в свои мысли, ни на сантиметр не сдвинулась с места, и в это время открывается большая матово-белая входная дверь под красиво изогнутым навесом. Отец, не договорив фразы, резко тормозит, застывает как вкопанный, пристально глядя на меня. Рот у него непривычно открыт, глаза вот-вот вылезут из орбит, а в лице – ни кровинки. Я ожидала, что он станет кричать, придет в бе-

шенство, будет ругаться. Не думала, что он будет молчать. Секунды проходят, а мы просто смотрим друг на друга. В это мгновение я понимаю, что изменила далеко не только прическу. Возможно, и вовсе не то, что хотела.

– Она здесь? Что-то случилось? – к нам присоединяется мама, останавливается, чуть не поскользнувшись, рядом с папой. Глаза ее ищут и находят меня, она подносит руку к губам, и я вижу, как у нее под мятного цвета топиком порывисто вздымается и опускается грудь. Все мы несколько секунд молчим. Я сглатываю тяжелый ком в горле, на глаза наворачиваются слезы. Из упрямства, от ярости и – черт побери – просто потому, что я ничего тут не могу поделать и изменить. Сквозь пелену я вижу, что мама уже давно не сдерживает слез и громких рыданий. Она первой выходит из ступора, просто разворачивается и бросается назад в дом, в то время как отец остается стоять как скала. Несокрушимо.

Если бы так…

Рот у него закрывается и открывается. Он тоже разворачивается и без единого слова уходит, оставляя меня одну. Оттого что он отвернулся от меня, что так смотрел и ничего не сказал… мне намного больнее, чем я могла предположить.

По спине течет пот, волоски на затылке липнут к коже. Я целую вечность стою столбом под жгучим солнцем, глядя на дверь, но в ней так никто и не появляется. Наконец мне удается один за другим отлепить затекшие пальцы от руля. Со

стороны ладони они красные, с вмятинами от ручек. Поморщившись, я слезаю с велосипеда, чтобы докатить его до стены дома. Вообще-то я собираюсь прислонить его там аккуратно, ведь все такое новое, но в последнюю секунду просто швыряю его, потому что все это для меня ничего не значит. Потому что от этого становится легче! Потому что тишины мне больше не вынести, как и громкого биения сердца, что сопровождает меня повсюду, как фоновая музыка. Велосипед ударяется о стену, скользит вниз и, громко сигналя звонком, с грохотом валится на землю. Я расправляю напряженные плечи, ощущая в них каждую мышцу, и захожу в дом.

Нужно было пойти наверх, в свою комнату, но вместо этого ноги несут меня на кухню. Мне нечем дышать, воздух в доме словно сгустился.

Шаги мои делаются все более мелкими и робкими. Обхватываю себя руками, губы плотно сжаты. Через мгновение я уже стою в дверном проеме кухни, вижу родителей и чувствую, как накатывает дурнота. Мама сидит на одном из кухонных стульев кремового цвета за новым круглым деревянным столиком. Тело ее сотрясается, она вся дрожит. Она опирается на деревянную столешницу локтями, те уже совсем красные, руки отчасти закрывают лицо, губы искривлены, и я вижу, как по лицу ее наперегонки бегут слезы и, спрыгивая с подбородка, приземляются на стол. Волосы у нее выбились из косы, лямка топика сползла с плеча. В этой картинке так много неправильного, что я даже не знаю, с че-

го начать. Папа пытается поддержать ее, обхватив, гладит по спине и голове. Он белый как мел, но лицо не выдает никаких чувств.

Пространство один за другим заполняют громкие всхлипы, отражаются от стен и множатся до бесконечности. Кухню заливает солнце, и я думаю, не издевается ли оно над нами.

Я хочу шагнуть вперед, хочу обнять маму и попросить прощения, но замираю на месте. Я не двигаюсь, потому что меня настигает взгляд отца. Этот взгляд, он такой же, как у меня. Такой же когда-то был и у Иззи.

Он резко встает, его стул падает, грохоча по кафельному полу, а без папиной поддержки теряет равновесие и мама. Она пошатывается. В три больших быстрых шага он оказывается рядом со мной, кричит что-то мне в лицо, а затем поднимает руку. Я, вздрогнув, отшатываюсь назад. Мне страшно. У меня перехватывает дыхание.

Взгляд его полон боли. Он борется с собой. Я выдерживаю его взгляд, и на какое-то мгновение мне даже хочется, чтобы он ударил.

Но он этого не делает. Вместо этого он возвращается, стукнувшись о стол, непрерывно проводя рукой по волосам и лицу, встречает печальный, тусклый взгляд мамы. Я слышу, как он плачет. Впервые в жизни я слышу, как он плачет. Он не позволил себе этого даже на похоронах Иззи или когда ему сказали, что Иззи не выжила. Так, словно в нем окончательно что-то сломалось, и я знаю, что виной этому я.

Он опускается к маме, они поддерживают друг друга.

Мы все что-то потеряли, очевидно, намного больше, чем можем выразить словами. В отличие от них я к тому же потеряла опору – то, что у них по-прежнему есть. Я – третье колесо, лишнее для велосипеда и недостаточное для машины. Я – лед в Антарктиде, песок в пустыне, я – солнце на Карибах, дерево в лесу и клевер в траве, я что-то, что уже есть и без меня.

Я им не нужна.

Я не способна тебя удержать, но еще менее способна тебя отпустить. Зачем ты половину меня оставила здесь, а половину взяла с собой?

Глава 4
Леви

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ, ТО СЛУЧИЛОСЬ

– Прекрати! Ты жульничаешь! – гремит голос Макса из маленькой общей комнаты отдыха.

– Я тебя просто под орех разделал! – смеется над ним во все горло Йош, а я тяжело вздыхаю, потому что знаю, что сейчас будет.

– Дубина стоеросовая!

Когда я вхожу в нашу гостиную, Макс уже набросился на Йоша, а у того слезы текут от смеха. Совершенно квадратный Йош прижат к полу Максом, у которого по-прежнему все ребра сосчитать можно.

– Все из-за этого идиотского банана! Так нечестно! – Макс кипит от ярости, лицо у него такое же огненно-красное, как и волосы.

– А ну-ка успокойтесь! В такой обстановке никто не сможет спокойно собрать вещи – да даже просто думать о чем-то невозможно. Отпусти его, Макс. Ты прекрасно знаешь, что в «Марио Карт» не пожульничаешь.

Эта парочка частенько создает мне массу проблем.

– Ни один человек не может сбросить так много бана-

нов! – кричит Макс, в последний раз придавливая к полу Йоша, у которого от смеха начинается приступ кашля.

– Кроме тебя, ни один человек не ездит так часто по этим чертовым бананам!

Йош обожает злить и провоцировать Макса. И все-таки эти двое – лучшие друзья. Ведь, с тех пор как они здесь, им приходится сражаться с одинаковой проблемой. С самим собой. И так здесь, в «Святой Анне», у всех.

– Тупица, – тихо шепчет Макс, но, когда выпрямляется во весь рост, на губах у него уже подрагивает улыбка. Они по-турецки сидят перед телевизором и – вот черт! – теперь обращают внимание на меня.

– А ты что, уже собираешь вещи? – Макс морщит лоб, а Йош прищуривает глаза. Супер! Нет, ну правда.

– Ты в курсе, что лагерь только через две недели?

– Спасибо, Йош! Спасибо! Без тебя я бы пропал! – Скрещиваю руки на груди.

– Это ирония, да? Что-то я сомневаюсь. Ты посылаешь неоднозначные сигналы!

– Да, черт побери, это ирония! Я знаю, когда откроется лагерь. Мне сейчас просто нечем заняться, ясно?

– И незачем сразу так психовать! – Йош, защищаясь, поднимает руки, а Макс втягивает голову в плечи. Я делаю вдох и тихо выдыхаю.

– Сорри, парни. Я не хотел.

Оба кивают, но у Йоша при этом такой пронзительный

взгляд, что у меня мурашки по коже. Вообще-то тема «лагерь» – табу. Всегда, кроме периода подготовки к его открытию. И тогда время тянется для меня слишком медленно. Какое-то сумасшествие.

Я без дальнейших слов разворачиваюсь и иду в свою комнату. На этот раз закрываю дверь, предоставляя этих двоих их мариокартовской судьбе.

Еще две недели. Знаю! И знаю, почему уже сейчас собираю вещи, просто не хочу этого признавать. Засунув руки в карманы драных джинсов, я прислоняюсь к тонкой деревянной двери комнаты и осматриваюсь. Примерно шесть лет назад я ненавидел это место больше всего на свете – а сейчас? Сейчас мне страшно покидать его. Я привык даже к маленькой кровати и дурацкой наклонной стенке над ней, о которую регулярно стукаюсь головой. К холодному полу, к маленькому окну, к тому, что здесь слишком мало места, к моему персональному хаосу. Потому что это мое.

Чертыхаясь, я прихожу в движение и снова выбрасываю из дорожной сумки все шмотки. Они, как и книга, оказываются на полу. Пустую сумку я швыряю в сторону шкафа, вещи на полу ногами отпихиваю в сторону.

Мне ужасно хочется кричать. Но если я сегодня начну, то сомневаюсь, что когда-нибудь закончу. Что делать, если ты нашел свой дом там, где жить никогда не хотел? Что происходит, если теперь ты хочешь остаться там, откуда хотел поскорее сбежать? Что, если ничего тут не изменишь?

Глава 5
Ханна

ЖИЗНЬ – ЧАСТЬ НАС
ИЛИ МЫ – ЧАСТЬ ЖИЗНИ?

Они игнорируют меня. Возможно, потому, что иначе не могут, возможно, потому, что им слишком больно. Возможно. В этом слове заключено так много и так мало. Оно может значить все и ничего. Возможно – это немного надежды и немного отчаяния.

Лежа на полу с Мо на животе и уперев взгляд в белый потолок, я задаюсь вопросом: может, они все время так и думали? Будто я игнорирую их, потому что молчу. Но нет, это разные вещи. Я по-другому не могу. Мой голос в плену, как и я сама. Нет, это не одно и то же.

Музыка, доносящаяся из больших наушников, как-то помогает мне все перенести. С музыкой мне легче, словно меня не сдерживают никакие границы – ни вокруг меня, ни внутри. Она напоминает мне о времени с Иззи, когда мы вместе слушали ее, танцевали под нее, когда мы вдвоем пели и мечтали. О лучшем завтра, о чем-то несуществующем.

Музыка говорит все, что я сказать не могу. Она оформляет ноты в язык, который понятен каждому, а слова – в эмоции, которые каждый испытывает.

Мне это нравится. Мне нравится, что музыка делает со мной. Что она делала со мной и с Иззи. Прежде из нас двоих она была певицей, а сама я играла. В иной жизни. Теперь я слушаю, как это делают другие: Coldplay, Susie Suh, One Republic. А иногда я слушаю любимую песню Иззи, иногда я могу вынести голос Fleurie. Когда он не слишком похож на Иззи и не слишком напоминает мне о прошедших днях.

Одна песня следует за другой, Мо встает, чтобы поесть, снова ложится рядом, опять встает и укладывается по-другому, и так день тянется мимо меня, словно по полосе обгона.

Наконец я иду в ванную, чтобы принять душ и надеть пижаму, почистить зубы и заплести волосы в косу. Чтобы проделать рутинные, нормальные дела, пока мне не приходит в голову, что нет больше ничего нормального и нет волос, которые я могла бы заплести. Что мое отражение в зеркале показывает мне кого-то незнакомого, не Иззи и не Ханну.

Мо идет за мной к кровати, и мне еще удается написать несколько строк. Завтра я пошлю ей письмо, как всегда. Сегодня у меня нет на это сил.

На следующее утро меня будит Мо, вылизывая мне лицо. Я слышу его громкое мурчание и мяуканье, он явно голоден.

Ладно-ладно, Мо, думаю я и устало глажу его по голове, зевая и пытаясь окончательно открыть глаза. Сегодня небо покрыто облаками, пасмурно, собирается гроза, делая этот летний день еще более душным, чем обычно.

Я спускаю ноги с кровати, а Мо уже давно у двери и смотрит на меня с надеждой. И, может, немного нетерпеливо.

В коридоре я насыпаю ему в миску корм и наливаю воды. У него все здесь, возле моей комнаты, и я рада, что мама с папой никогда не заговаривали о том, что, похоже, мой лучший друг – мой единственный друг! – теперь кошка.

Выйдя из ванной, я, спотыкаясь, возвращаюсь к себе и тут же наталкиваюсь на письмо, что лежит на маленькой тумбочке у кровати. Слова, обращенные к Иззи. На сердце мгновенно тяжелеет, так, словно на него кто-то уселся. Но я, вздернув подбородок, переставляю одну ногу за другой. Так надо.

Я беру письмо и, подойдя к комоду за спичками, специально делаю глубокий вдох и выдох. Пальцы дрожат, а вместе с ними и бумага в руке. Ноги несут меня к балкону, я открываю дверь, и в лицо тут же ударяет горячий, наэлектризованный воздух. Мир, который только и ждет, чтобы на него обрушился дождь и принес прохладу. Зажав письмо ногами, я хочу достать спичку из коробка, но удается мне это не сразу. Чиркаю по боковой стороне коробка, но ничего не выходит. На второй попытке у спички отламывается головка. Другая спичка расщепляется, а следующая выпадает у меня из дрожащих, а теперь еще и влажных от пота пальцев. Застонав от разочарования, я стискиваю зубы, на секунду запрокидываю голову и закрываю глаза, пытаясь успокоиться. Остается всего две спички, а мне не хочется выходить за новыми, пока не отправлю сообщение Иззи.

Это же обычное дело, говорю я себе. *Ты это умеешь*, шепчет голос у меня в голове. И так печально от того, что это правда, что это давно должно было стать обычным делом. Но в этот миг я благодарна собственной беспомощности. Она дает мне понять, что обычным делом это не станет никогда. Потому что это неправильно. Потому что ничего нормального тут нет.

Чирк. Спичка загорается, огонь медленно ползет по маленькому черенку, который я нерешительно подношу к бумаге, что опять у меня в руке. Пламя беззвучно идет своей дорогой. Беззвучно и все же угрожающе, так точно и целенаправленно. Оно уничтожает все на своем пути, не оставляя ничего, только прах и пепел, только то, что распадается.

Каждый день я надеюсь на то, что это лишь кошмарный сон. И безрадостно смеюсь, понимая, что в чем-то это правда. Мама с папой теперь почти не разговаривают со мной. Думаю, это потому, что я отняла у них последнее, что еще оставалось от тебя. И даже если я могла бы говорить, то не стала бы. Да и что мне сказать?

Мо ходит за мной как привязанный. Я сижу вместе с ним на кровати, пытаясь ухватить мысли и чувства, чтобы сплющить их в буквы и перенести на бумагу с одной лишь целью – хоть как-то противостоять тому, что здесь происходит. Чтобы поддерживать иллюзию. Ты никогда ничего этого не прочтешь. Ты не вернешься. Ты никогда больше не разбудишь меня, не стащишь у

меня мороженое и не будешь слушать мои диски. Ты никогда больше не будешь петь, а я – играть тебе на рояле. Ты не сможешь помочь мне.

Ты никогда меня не простишь.

Я все это знаю и все-таки продолжаю писать. Потому что это последний якорь. Соломинка, которая удерживает меня над водой. Я не умею плавать, Иззи…

Глава 6
Ханна

ВСЕГДА ХОЧЕТСЯ ТОГО,
ЧТО ПОЛУЧИТЬ НЕВОЗМОЖНО

Спать, есть, молчать – всегда вместе с Мо, который тенью следует за мной. Если я не делаю что-то из этого, то пишу Иззи, посылаю ей свои слова и вижу сны. Хорошие приходят днем, дурные по ночам.

Тишина приняла другую форму. После того как пять дней назад я, увлекаемая той последней искрой во мне, отправилась в парикмахерскую и вернулась без своих длинных волос. После того как отец назвал меня Иззи, а я не захотела быть ею. Все молчат, так, словно они украли мое безмолвие. У отца больше не получается даже взглянуть на меня. В последний раз он был таким, когда мы с Иззи покинули безопасный двор, чтобы порисовать на улице мелками – просто потому, что на асфальте рисунки смотрятся лучше, или когда играли с рукоятками конфорок плиты, а в довершение пытались спрятаться в духовке. И смягчить его сердце всегда удавалось именно Иззи, потому что она была упрямой как осел, а сердце у нее было ангельское. А может, потому, что она умела плакать по заказу и, печально глядя на папу своими большими глазами, выдавливала из себя слезы и надува-

ла губы. Все в ней так и кричало: прости меня, не сердись! Тогда он испугался за нас. Сегодня он просто в ярости. Тогда я не понимала разницы, сегодня я чувствую ее.

Я стою перед дверью в столовую, судорожно сжимая и разжимая кулаки, снова и снова. Ноги одеревенели, ступни словно кто-то прибил к полу. До меня доносится звяканье столовых приборов и их скрежет по тарелкам. Живот тихонько урчит, а я размышляю, отважусь ли сесть с мамой и папой за стол. Я просто стою столбом и, наконец, избрав легкий путь, беру Мо на руки и тащусь в свою комнату. Сделаю себе потом бутерброд или мюсли, этого хватит.

Обнимая Мо, я поднимаюсь по лестнице, и в уголках губ у меня дрожит улыбка.

– А что получится, когда все будет готово? – Потрясенно перевожу взгляд с Иззи на ее миску и обратно, пока она ссыпает туда с десяток разных сортов кукурузных хлопьев и заливает их молоком.

– Это просто не может быть вкусно! И как ты только посмела насыпать туда мои любимые мюсли!

Она размешивает этот коктейль своей ложкой размера XXL, и выражение лица ее меняется от радостного ожидания к неуверенности – а вдруг я окажусь права? Она опасливо отправляет полную ложку в рот, жует, глотает и улыбается мне дьявольской улыбкой.

– На этот раз ты ошиблась, сестренка! Безумно вкусно,

просто великолепно. Взрыв меда, сахара, карамели и шоколада.

– Это не завтрак для гурманов, а мюсли хаоса! – закатывая глаза, фыркаю я, отчего Иззи покатывается со смеху.

– Идеальное название!

Да, думаю, сегодня я буду есть мюсли хаоса.

Когда ни письма к Иззи, ни Мо или музыка больше не могут отвлечь меня от урчащего желудка, я набираюсь храбрости и снова выхожу из комнаты. Меня тяготит, что мама с папой обиделись на мою маленькую вспышку сильнее, чем думалось. Нет, вообще-то я вовсе как следует не подумала, в этом-то и проблема. Так было всегда, только поэтому мы и оказались в этой ситуации.

Уже несколько дней я успешно избегаю встречи с ними обоими, и, похоже, их это не особо беспокоит, потому что никто не пришел ко мне задать какие-нибудь пустяшные вопросы или просто взглянуть на меня.

Дойдя до лестницы, я замираю. Шуршит бумага, звук идет из спальни родителей. Это мама или папа? Или они оба? Почему звук такой, будто они что-то читают? Им это никогда не было свойственно.

Ну же, Ханна! Иди дальше! Они хотят покоя, ты тоже, говорит мой внутренний голос, и в ту же секунду я поворачиваю голову. Рука отрывается от перил, ноги наконец приходят в движение – к сожалению, не в ту сторону.

Понятия не имею, зачем я сейчас открываю прикрытую дверь и вхожу в комнату. Понятия не имею, почему делаю это так спокойно, почти уверенно. Мама сидит по-турецки на огромной двуспальной кровати, в профиль ко мне. На ней старая, линялая футболка и короткие шорты. Без сомнения, она давно заметила, что я здесь, но глаз на меня не поднимает. Я продолжаю стоять на круглом, пушистом коврике у кровати, зарываясь в него ногами. И жду. В этом я хорошо натренирована. Даже если не могу сказать, чего жду. Тогда я убеждаю себя, что знать цель вовсе неважно.

На коленях у нее лежит толстая книга, точнее, альбом, полный фотографий. Она осторожно перелистывает большую, плотную страницу, и фотографии, прежде чем исчезнуть, на миг отражают свет. Мама почти любовно гладит каждую из них, кажется, будто в мыслях она далеко, очень далеко, где-то в другом месте.

Правой рукой я неуверенно вожу вверх-вниз по левой. Чувствую себя непрошеным гостем, чужаком. Мой взгляд скользит к двери, я напряженно сглатываю, испытывая большое искушение просто взять и уйти, дать ей свободное пространство, в котором она сейчас нуждается. Никому не известно, зачем я вообще сюда пришла, что мне тут надо и почему я все еще здесь стою. Я не могу ничего сказать. И менее всего то, что поправило бы ситуацию и сделало бы ее более выносимой. Я причинила ей боль – и не только пять дней назад, вернувшись домой другой и все же прежней.

– Ты ведь хотела что-нибудь изменить, верно? – Доносится до меня тихий мамин голос. Ее взгляд находит мой, удерживает его, и я так сильно закусываю нижнюю губу, что чувствую вкус крови. Быстро киваю, при этом мне хочется крикнуть «да». Да, я хотела так много всего изменить – и хочу до сих пор. Я хочу, чтобы все было по-другому, чтобы можно было открутить время назад. Рука словно сама по себе приглаживает короткие волосы.

Мама вымученно улыбается, а затем подзывает меня взмахом руки. На то чтобы решиться двинуться к ней, уходит добрых десять секунд. Такое ощущение, словно на ногах громадные ласты – ходить с ними можно, но шаги получаются такими беспомощными, ненормальными и чужими. Я присаживаюсь на край кровати достаточно далеко от нее, но мама меняет позу и придвигается ближе. Она гладит меня по спине, и я вижу по ее лицу, каких сил ей это стоит. Чувствуя застрявший в горле ком, делаю несколько глотательных движений и пытаюсь расслабиться. Она сдвигает мне на колени половину альбома, который оказывается тяжелее, чем выглядит, и снова начинает листать.

Альбом заклеен фотографиями вдоль и поперек – невозможно понять, по какому принципу. По диагонали, внахлест, цветные и черно-белые, маленькие и большие. Но наконец я понимаю принцип. На всех фотографиях – мы с Иззи. Моя дрожащая рука ложится рядом с рукой мамы, и я провожу ею по снимкам, словно мое касание вернет все, что на них

изображено. Вот Иззи впервые едет на велосипеде без опорных колес, вот она падает и смеется над ранкой на ноге, а я рядом плачу, потому что она поранилась. Моя рука движется дальше, единственное движение, которое вызывает одно воспоминание за другим.

Мы с Иззи после соревнований, в пропотевших трико, коротких спортивных брюках, белых кроссовках, с волейбольным мячом между нами и широченными улыбками на лицах. Вот мы едим спагетти из одной тарелки, и обе одновременно выловили за разные концы одну и ту же спагеттину. Мы на диване, уснули рядом, совершенно переплетясь друг с другом, с открытыми ртами, а сверху на нас Мо. Мы с мамой и папой. Счастливые.

Прежде папа постоянно фотографировал, они с фотоаппаратом были неразлучны, но с тех пор, как Иззи не стало, он сослал фотоаппарат в какой-то темный угол.

Мгновения, когда каждой клеточкой ощущаешь, что ты потерял, всегда переживаются как в первый раз. Они приходят снова и снова, но снова и снова будто впервые. Так, словно постоянно бередишь рану, тут же забывая, что делал это не раз. Скорбь – это особая форма памяти и забвения: вспоминая, испытываешь боль, но вспоминаешь опять, потому что забыл, как было больно. Сперва воспоминание похоже на объятие, а чуть позже, перед тем как, уступив место новому, уйти в небытие, оно сродни удару в лицо наотмашь. Но, даже зная это, все равно будешь вспоминать. Потому что

этот краткий миг счастья стоит любой боли.

Мамина рука накрывает мою, и, в конце концов, именно поэтому, а не из-за старых фотографий, я начинаю рыдать.

– Да, – шепчет она, и голос у нее срывается. – Я тоже думаю, что пора что-то менять.

Нервничать меня заставляет не эта фраза и не то, с какой нежностью она смотрит на меня, а что-то, что висит между нами, словно невидимый листок, который еще не знает, улететь ему или упасть на землю.

Но я решительно гоню эти мысли прочь и, собравшись с духом, смотрю с мамой другие фотографии. Я переживаю все воспоминания, все прекрасные и тяжелые моменты и всю боль. Без конца переживаю все как в первый раз.

И когда мы закрываем альбом, кажется, что большая дыра зияет у меня не только в желудке.

Мама, шумно вздохнув, встает, чтобы убрать фотографии в ящик под кроватью. То, что альбом еще существует, граничит с чудом. Кроме этих снимков и вещей в той коробке у меня в комнате, в нашем доме нет ничего старого. Ничего из прошлого.

Мама, не говоря ни слова, выходит из комнаты, и это к лучшему, потому что в воздухе витает гораздо больше несказанного, чем я в состоянии вынести. Чуть позже я следую за ней, закрываю дверь родительской спальни и наконец иду туда, куда собиралась изначально. Кухня пуста, до меня доносятся приглушенные голоса из телевизора. На столе лежит

дощечка со свежими бутербродами и немного салата в миске. Мюсли хаоса отменяются, но в душе я благодарю маму за то, что она мне это приготовила. Для меня это значит очень многое. Два бутерброда и маленькая порция салата значат для меня очень многое.

На следующий день меня мучают угрызения совести. Фотографии со всеми вызванными ими воспоминаниями, минуты, проведенные с мамой, так утомили меня и погрузили в размышления, что я впервые забыла написать Иззи. Событие под знаком «в первый раз» другого рода. И от этого страшно больно.

С Мо, лежащим у меня на плече, я иду вниз, мне хочется позавтракать с родителями. Мне не хочется больше скрываться, ведь мои изъяны, в конце концов, и не скрыть.

Неужели я опоздала? Быть не может. Но выглядит все не так, как всегда. Мама не носится по кухне как сумасшедшая, пытаясь спасти омлет, а папа не выбрасывает тост из-за того, что тот опять пригорел. Они сидят за столом, а стол пустой. Перед ними нет ничего, кроме какой-то брошюры. Мо, приподнявшись у меня на плече, старается сохранить равновесие и громко мяукает, и родители вздрагивают, словно мы их напугали. Так, словно я застигла их за каким-то занятием врасплох. Вверх по позвоночнику прокладывает себе путь дурное предчувствие, по рукам бегут мурашки, и я была бы рада поменять короткий синий топик на пуловер, чтобы не

зябнуть посреди лета.

Даже папа смотрит на меня. Что-то изменилось, и мне на ум приходят мамины слова. Да, может, пора что-то изменить.

– Доброе утро! – говорят они оба в один голос.

– *Что здесь происходит?* – мысленно спрашиваю я.

– Мы немного припозднились с завтраком, прости, я сейчас… – голос у мамы почти срывается и, вставая, она чуть не стягивает со стола скатерть. Мама лихорадочно озирается, но, прежде чем успевает броситься в атаку, до нее дотягивается папа и удерживает за руку. Вздрогнув, она замирает, плечи ее опускаются, и она почти с мольбой смотрит на папу. Он ободряюще кивает ей, и они, не произнося ни слова, говорят так много, что у меня вот-вот заболит голова. Мама снова опускается на стул и, пытаясь взять себя в руки, крепко держится за папу.

– Ханна, – тихо говорит он. Эти пять букв проскальзывают сквозь меня. Он еще помнит мое имя, но помнит ли он, кто я?

Непроизвольно вытягиваюсь, держусь прямо, вздергиваю подбородок и, схватив Мо, укрепляю стены внутри и вокруг себя, и пусть я день за днем проклинаю их, но они здесь и защищают меня.

– Я… – начинает было папа и осекается, так сильно сдвинув брови к переносице, что вокруг глаз и на лбу образуются глубокие морщины, отчего он выглядит слишком серьез-

ным, слишком задумчивым.

– Мы… – приходит ему на помощь мама. – Нам хотелось бы, чтобы ты присела.

Я не шевелюсь, мой взгляд перемещается с него на нее и на все то, что молча и невидимо лежит между нами тремя, на всю печаль, страх, страдания и воспоминания. На все, что было и чего больше нет.

– Пожалуйста, – добавляет она, и я, наконец, не выдержав, иду к ней. Я сажусь между ними, перекладываю Мо с плеча на колени и глажу его по шерсти снова и снова, словно мантру повторяю.

– Почти через четыре недели начнутся занятия в школе, как ты знаешь, и…

– Мы забрали тебя из школы, – врывается в мамину фразу папа, а она проводит рукой по лбу. Я испуганно хватаю ртом воздух. Что? Забрали из школы?

– Мы записали тебя в другое место, – отец сверлит меня взглядом. – Мы думаем, что дальше так продолжаться не может. Что мы должны что-то изменить. Обязаны, – прибавляет он, и слова его, как скалы в прибой, как гора среди бури – не сокрушить и с места не сдвинуть. Они стоят намертво.

Я дышу слишком часто, Мо впивается когтями мне в ноги, потому что я слишком сильно вцепляюсь пальцами в его шерсть.

Записали в другое место, обязаны что-то изменить, мелькает у меня в голове. Мне тут же бросается в глаза бро-

шюра на столе, которую я увидела еще до начала разговора. До того как узнала, что меня ожидает. На ней жирным шрифтом красуется надпись «Святая Анна».

Мне становится плохо.

Они хотят отослать меня прочь, они хотят отослать меня прочь, они хотят отослать меня прочь, отослать прочь, отослать прочь, отослать прочь. Прочь. В остатке именно это. Прочь.

– Школа, говорят, очень хорошая. – Мама и раньше всегда пыталась приукрашивать действительность. Я хватаю брошюру, открываю ее. На первых страницах изображено во всей красе солидное, окруженное лесом старое здание из серого камня, почти замок. Мне встречаются слова «частный», «интернат», «интенсивная поддержка», и с каждым следующим предложением, с каждой следующей перевернутой страницей я все больше понимаю, что такое «Святая Анна». Особое место для подростков со специфическими проблемами.

В моей голове тут же раздается голос Иззи, она бы сказала:

– *Признайся, Ханна! Это же психушка, где тебе между делом еще будут преподавать математику и английский, после того как убедятся, что ты не причинишь вреда ни себе, ни другим. И ты выйдешь оттуда лишь в том случае, если кто-то посторонний засвидетельствует, что все в тебе опять работает исправно.*

Я пришла в негодность? – Невольно спрашиваю себя,

шумно дыша. Очевидно, да.

– Мы подумали, что, может быть, там тебе будет лучше. Может, в «Святой Анне» у тебя будет достаточно личного времени и пространства, и может… – голос у мамы срывается, она, дрожа, делает вдох, и предпринимает вторую попытку, – может, ты с кем-нибудь заговоришь.

– Раз уж ты не говоришь с нами. – Сказав это, папа тут же опускает глаза. Он не имеет в виду ничего плохого, я знаю, но от этого не менее больно. Я бы говорила, если бы могла. Или нет? В отчаянии отпускаю Мо и зарываюсь лицом в ладони. Снова и снова качаю головой, пока не подключается все тело, не начинает раскачиваться взад-вперед, и Мо не слетает с коленей. Пока мама не начинает гладить меня по голове.

– Нам это кажется самым лучшим решением, Ханна!

И сказав «нам», она не имеет в виду меня. Я, оскорбленно подняв голову, вскакиваю со стула, сметаю брошюру со стола, и та, помявшись, приземляется на полу. Мо с шипением удирает из кухни. Я в ярости! На маму с папой, на жизнь, на это мгновение. Я не хочу туда, я не другая и не чокнутая. Я всего лишь Ханна.

– Через несколько дней все новые ученики вместе едут в летний лагерь, это обязательно. Занятия в школе начнутся по расписанию, как и везде. – Папин голос звучит холодно. – Ты поедешь и будешь учиться в этой школе.

Спор окончен. Ему нет нужды произносить эти послед-

ние слова, они слышатся и так. Самое смешное, что мы вовсе не спорили. Как бы я могла спорить без слов? И что дал бы спор, притом что все, похоже, давно решено и решение непреложно?

Я лечу наверх, впервые, сколько себя помню, со всей силы хлопаю дверью и кричу безмолвным криком, громче которого не бывает.

Они отсылают меня прочь, Иззи! Они отсылают меня прочь.

Глава 7
Леви

НА СТАРТ, ВНИМАНИЕ, МАРШ!

– Леви! Ты слышишь меня? – гремит из коридора голос Макса.

Разумеется, слышу, я же не глухой. Он еще больше охрипнет, если и дальше будет так вопить.

– Леви! Тащи уже сюда свою задницу, иначе они уедут без тебя.

Его шаги слышатся все ближе, словно топочет целое стадо, и не проходит и пяти секунд, как его кулак принимается без остановки молотить по моей двери. От этого больно спине, потому что я сижу на полу, прислонясь к ней, чтобы никто не вошел.

Вещи мои собраны. Они были собраны уже две недели назад. Сегодня наконец-то отъезд, и я ощущаю себя так же, как и в тот раз, когда впервые ехал в лагерь: так дерьмово, что дальше некуда! Я не хочу. Не хочу, чтобы последний раз начинался уже сегодня, хотя до этого все торопил время.

Гитара лежит рядом, как и любимая бейсболка брата и большая дорожная сумка. Готовее не бывает.

– Леви, клянусь, если ты сейчас же не выйдешь, я дам

тебе пинка под зад! – Представив себе, как Макс это делает, не могу удержаться от смеха. Он меньше меня ростом и, несмотря на терапию и регулярное питание, все такой же тщедушный. Он бы к моему заду и близко не подобрался.

– Макс, ну что ты так кричишь? Ты в здании не один.

О нет! Я ненадолго закрываю глаза.

– Леви! Ты в комнате?

– Да, – хриплю я, отодвигаясь, чтобы можно было открыть дверь. В нее протискивается Бен и тут же закрывает ее, что вызывает у Макса стон разочарования:

– Эй! Так нечестно!

– Да будет тебе, Макс! Как будто жизнь вас этому еще до школы не научила! – дружелюбно отзывается Бен с улыбкой на лице и опускается передо мной на колени.

– Все хорошо? – спрашивает он, и это очень мило с его стороны, ведь он прекрасно знает, что ничего хорошего нет. Этим вопросом он дает мне ощущение выбора. Позволяет решить, что я скажу и сколько – и скажу ли что-нибудь вообще.

Бен пристально смотрит на меня, белая борода резко контрастирует с загорелой кожей и еще почти черными волосами. Ему около пятидесяти, и он директор «Святой Анны». Бенедикт Франке, которого все зовут просто Бен. Он объяснил нам, что это место теперь для нас родное и каждый, кто здесь живет, член нашей семьи. Нет никаких причин создавать ненужную дистанцию, если мы вообще-то ищем близо-

сти. «*Дистанция еще не гарантирует уважения, – всегда говорит Бен. – Вы не станете автоматически уважать меня, если я буду на этом настаивать, так зачем же тогда требовать этого от вас?*»

– Не знаю, – осторожно говорю я. Это ложь только наполовину.

– Понимаю, – говорит Бен, и он, пожалуй, единственный, кому я в этом верю. – А что ты знаешь?

Приглаживая волосы, ухожу от его взгляда. Я не хочу говорить, не хочу произносить эти слова. Тем более Бен прекрасно понимает, что происходит.

– Если произнести вслух, лучше не станет.

– Возможно, и так. Но если страдать молча, лучше тоже не станет. Иногда нужно сказать о своих страхах вслух, чтобы обнаружить, что бояться не стоит.

– Не понимаю, почему ты ушел с кафедры философии, – слегка огрызаюсь я.

– Потому что мне больше нравится разыгрывать тут перед вами умника, – смеясь, парирует он, напоминая мне тем самым наш с ним первый разговор. Тогда я обругал его, обозвав умником.

– Сегодня открывается лагерь, – говорю я совершенно очевидные вещи, в раздражении на самого себя закатывая глаза. Когда нервничаю, я всегда покусываю пирсинг в углу рта, что обычно доводит Бена до белого каления и теперь тоже заставляет его кинуть на меня раздраженный взгляд. Но

он лишь опускается на пол рядом со мной и прислоняется спиной к двери, и я делаю то же самое, принимая прежнюю позу. Мы сидим бок о бок и, поджав колени, пялимся на мои упакованные вещи.

– Ты не обязан ехать в лагерь. – Голос у Бена тихий, но твердый. Мне понятно, что он сделает для меня исключение. Но я не знаю, могу ли согласиться на это. И еще меньше знаю о том, что будет после «Святой Анны». Со мной, с моей жизнью. О новой квартире уже позаботились, о комнате в учреждении, не таком закрытом и с менее строгими порядками, где мне помогут освоиться с новым бытом и устроиться в нормальной жизни. Хочешь не хочешь, а совершеннолетним приходится прощаться со «Святой Анной». Самое позднее в девятнадцать лет. После этого можно продлить пребывание до года, не больше. Это место помощи не взрослым, а детям и подросткам. В прошлом месяце мне исполнилось девятнадцать.

– Где Том? Без Тома я никуда не пойду! И в эту дурацкую школу тоже. Где мама? Я нужен ей! – кричу я, пытаясь оттолкнуть высокого человека перед собой. Он что-то говорит мне, успокаивая, и ярость во мне наконец переходит в отчаяние, а крики – в рыдание.

– Меня зовут Бенедикт, но ты можешь звать меня Бен. Твоя мама и Том сумеют позаботиться о себе, а здесь ты для того, чтобы и тебе было хорошо.

– Мне все равно, кто вы! Мне плевать! Мне хорошо! Мне

нужно позаботиться о маме и Томе!

– Но сначала тебе нужно позаботиться о себе самом, Леви!

– Заткнитесь, умник хренов! Заткнитесь! Что вы можете знать?

Большая ладонь Бена на моем колене вырывает меня из воспоминаний. Он легонько похлопывает по нему.

– С тобой все в порядке, Леви, – в конце концов говорит он. – И всегда было в порядке. Ты жил здесь, чтобы это понять. И ты еще здесь, потому что давно это знаешь. Ты никогда не был проблемой.

С глубоким вздохом, пересилив себя, я встаю, хватаю бейсболку, надеваю ее задом наперед, беру гитару и перекидываю через плечо сумку. Надеюсь, Бен прав. Надеюсь, я давно это знаю.

Глава 8
Ханна

ИНОГДА МЫ ХОТИМ СОВСЕМ НЕ ТОГО,
ЧТО НАМ НУЖНО

Вытаскивая из машины чемодан с привязанным спальным мешком и плюхая его на асфальт, я невесело смеюсь. Всего несколько недель назад я достала из коробок то немногое, что у меня есть, а сейчас все снова упаковано в этот чемодан. Я чувствую себя марионеткой из кукольного театра, и жизнь дергает меня за ниточки, туда-сюда, словно не может решить, что со мной делать.

Папа хочет помочь, но я не замечаю его и, поджав губы, волоку за собой эту тяжесть. Колесики отказывают, чемодан очень старый, а дорога порядком разбита. На парковке и у маленького желто-белого автобуса с надписью «Святая Анна» с уже работающим двигателем всего несколько родителей. Последние подростки садятся в автобус, и, когда я подхожу ближе, их взгляды обращаются на меня, потому что у меня уж очень большой багаж, а колесики визжат и трещат чересчур громко. Мне все равно. Я слишком взбешена. Слишком разочарована. И все же чувствую, как кровь приливает к щекам. Родители не отстают ни на шаг, и раз они хотят от меня избавиться, то и во мне растет желание изба-

виться от них. Это так по-детски, иррационально и просто глупо, но я не могу ничего изменить.

Рюкзак я осторожно несу перед собой, а не за спиной, и молния застегнута не до конца. Я придерживаю ее левой рукой. Нужно быть начеку! Пот уже струится у меня по лбу, и, остановившись у автобуса, я пытаюсь подавить панику.

Нас приветствует немолодой сухощавый человек с седой бородой. Он выше папы и, внушая определенное уважение, не кажется страшным. Я недолго изучаю его и стоящую рядом с ним женщину, а затем опускаю взгляд и жду.

Силы бороться у меня закончились. Я могла бы убежать, но куда?

– Приятно познакомиться, господин Франке, – говорит мама, и они пожимают друг другу руки. Следом это делает и папа.

– Спасибо, что взяли Ханну в школу почти перед самым началом учебного года.

При этих словах я скрежещу зубами.

– Добро пожаловать, Ханна. Меня зовут Бен, я директор «Святой Анны». Если ты захочешь о чем-нибудь поговорить, заходи в любое время. – Его дружелюбный голос способствует тому, что я поднимаю голову и смотрю в темно-голубые глаза. И ничего там не нахожу. Ни каких-то ожиданий, ни враждебности, ни дистанции. И это открытие придает мне смелости протянуть ему руку и коротко кивнуть. Кивок, на который он отвечает, прежде чем обратиться к родителям.

– Яна – одна из вожатых в лагере, самого меня там не будет. Через три недели ученики вернутся, и у них будет еще неделя, чтобы обжиться здесь, перед тем как начнутся занятия.

– А как с …?

– Все остальное устроится, – прерывает Бен папу, который, судя по всему, понимает больше, чем я.

– Чудесно, что ты едешь с нами, Ханна, – говорит Яна, ей явно не больше двадцати, и у нее располагающая улыбка. Ее длинная грива напоминает мне о моей прежней прическе, о прическе Иззи. – Все остальные ребята, которые начнут учебный год в этой школе вместе с тобой, уже в автобусе. Может, ты тоже сядешь? Тогда мы сможем отправиться. Я позабочусь о твоем чемодане.

Мне очень хочется что-нибудь сказать. Сказать, что у меня все равно нет выбора, но это ничего не изменит. Взгляд мой перескакивает на маму с папой, и от всех клокочущих во мне чувств подступает тошнота. Простите, я ничего этого не хотела, я все еще я, почему вы меня отбрасываете, простите. Все это мне хочется прокричать. Но как бы мне ни хотелось сказать им «до свидания», обнять их на прощание, как ни больно видеть протягивающую мне руку маму, я совершенно не в состоянии сделать это.

Я позволяю Яне взять у меня чемодан и, крепко обхватив рюкзак, просто отворачиваюсь. Это происходит на полпути. Он шевелится. Я резко поднимаю глаза, и единственный, с

кем встречаюсь взглядом, – Бен. Но он ничего не говорит, хотя губы его трогает лукавая улыбка. Быстро отведя взгляд, я низко склоняюсь над рюкзаком и поднимаюсь по трем ступенькам в автобус.

Водитель – женщина с миловидным лицом и большими, как у хомяка, щеками. Каштановые кудряшки торчат у нее на голове во все стороны. Пульс у меня бешеный, во рту пересохло. Автобус маленький и все равно полупустой. Впереди, слева от меня, кто-то сидит, надвинув на лицо бейсболку, и, похоже, спит, ноги у него перекинуты через спускающиеся к двери поручни, я вижу несколько татуировок, драные джинсы, рваные кеды. Дальше я замечаю девчонку, которая смотрит на меня, угрожающе прищурившись, волосы у нее коротко подстрижены, под глазами огромные круги. На вид совсем ребенок! За ней сидят двое мальчишек, очень похожих друг на друга, светлые волосы, кудрями спадающие на плечи, дружелюбные лица. Они кажутся робкими. С другой стороны от прохода на меня смотрят еще шесть пар глаз, один взгляд – с последнего ряда, на значительном расстоянии от всех. Сидящая впереди справа женщина, кивнув мне, говорит:

– Найди место, где тебе будет удобно. Ехать нам около часа. – Видимо, это еще одна вожатая, как и Яна.

Глубоко вздохнув, переставляю одну ногу за другой, стараясь не замечать изучающие взгляды остальных ребят. С бьющимся сердцем и адским шумом в ушах я, убрав с ли-

ца прядь коротких волос, иду, пока есть куда идти, в конец автобуса. Опускаюсь на заднее сиденье на противоположной стороне от сидящей позади всех девчонки. Она, не обращая на меня внимания, смотрит в окно и только все больше натягивает на ладони рукава свитера. Как она это выдерживает? Маленькие фрамуги откинуты, но ветра нет, жара, по ощущениям, градусов тридцать пять, душно, и я в топике и длинных джинсах вот-вот расплавлюсь. Даже знать не хочу, какой мокрый у нее затылок, там, где веером расходятся по плечам густые, тяжелые каштановые волосы.

Я смотрю мимо нее в окно и вижу, что родители все еще разговаривают с директором школы. Зато мое внимание привлекает Яна, которая в эту минуту заходит в автобус. Сказав несколько слов женщине за рулем, она садится в первом ряду рядом со спящим парнем. Ревет мотор, и двери плавно закрываются.

Я с облегчением и в то же время судорожно делаю вдох и выдох, крепко сжимая рюкзак на коленях, еще немного приоткрываю молнию и молюсь, чтобы все прошло хорошо.

Автобус, дернувшись, приходит в движение, а у меня все мышцы болят от напряжения. Я изо всех сил стараюсь не смотреть на маму с папой и откидываюсь на спинку сиденья, лишь когда «Святая Анна» скрывается из виду.

И все же я еще долго не в состоянии дышать спокойно. Внезапно из рюкзака раздается громкое мяуканье, и я вздрагиваю, инстинктивно закрываю глаза и не двигаюсь. Госпо-

ди, сделай так, чтобы никто этого не услышал! Опасливо приоткрыв глаза, я озираюсь. Все заняты собой. Все, но не девчонка на другом конце заднего сиденья, которая с интересом наблюдает за мной. Мой план, нужно признать, продуман плохо. Выход у меня только один, и стоит рискнуть, потому что здесь слишком жарко. Я открываю молнию с другого конца и достаю Мо, который тут же принимается урчать. Он укладывается рядом со мной.

Я выжидающе смотрю на девчонку, взглядом умоляя ее не выдавать меня. Кажется, проходит целая вечность, я чувствую, как по виску струится пот и Мо расслабляется под моей рукой. Целая вечность, но вот наконец она улыбается и робко кивает. Я тоже улыбаюсь и киваю, безмолвно благодаря за это одолжение.

Мо устроил мне нелегкую жизнь. Когда я начала собирать сумку, он снова и снова укладывался в нее, и мне постоянно приходилось вынимать его оттуда. Положу одну-единственную футболку, достаю кота, положу брюки, достаю кота, положу бюстгальтер, опять достаю кота… Он мяукал и залезал снова. Под конец он улегся в рюкзак, глядя на меня мрачным взглядом. Насколько у кошек может быть мрачный взгляд. Взглядом, который говорил: как ты можешь уйти, когда и так ушла Иззи? Как ты можешь оставить меня одного? И я спросила себя, как же я за это отвечу перед Иззи? Глядя, как он лежит там, в рюкзаке, слишком большом для него, я приняла решение. Раз Мо хочет ехать со мной, я его возьму.

И вот сегодня утром почти все, что еще должно было уместиться в рюкзаке, я кое-как затолкала в чемодан, а незадолго до отъезда из дома сунула в маленькое наружное отделение рюкзака миску для корма вместе с бутылкой воды, мою музыку, блокнот для записей, ручку и спички. Мо самостоятельно забрался в большое отделение. Понимая, что при такой погоде ему скоро потребуется выбраться, сверху я рюкзак не застегнула, чтобы ему было чем дышать. В машине все как-то обошлось, на полную мощность работал кондиционер, и в рюкзаке было прохладно. Здесь, в автобусе, он бы в нем целый час не высидел.

Расслабившись оттого, что наш с Мо отчаянный, вообще-то не существующий план худо-бедно сработал, я наблюдаю, как он спит.

В автобусе тихо, слышен только громкий, размеренный гул мотора и шум проезжающих мимо машин. Кроме меня и моей соседки тут еще одиннадцать человек, включая вожатых.

Я задаюсь вопросом, по какой причине здесь все остальные. Был ли у них выбор. Им приходится сюда ехать, или они сами этого хотят. И есть ли разница.

Я осторожно вытаскиваю из кармана брюк MP3-плеер и вставляю в уши наушники. Нажимаю на «пуск», мысли мои уплывают вдаль, взгляд скользит по деревьям, что тянутся мимо по обочине дороги, а рука покоится на спине Мо, который чуть подрагивает. Мне нужно написать Иззи. Надеюсь,

там, куда мы едем, за эти три недели у меня будет достаточно времени для себя самой. Надеюсь, я найду возможность посылать Иззи свои слова. А что, если они застукают меня? Этого случиться не должно! Ни за что.

Мо рядом. А значит, ты каким-то образом тоже. Он пытался спрятаться в моем чемодане. Так же, как раньше, помнишь? Когда мы с мамой и папой отправлялись в отпуск, он непременно хотел ехать с нами. Сегодня у него получилось, он со мной. Он – единственное, что у меня осталось.

Они хотели, чтобы я уехала. И теперь я еще больше, чем прежде, застряла где-то между «всегда» и «никогда», между «везде» и «нигде».

Я скучаю по тебе, Иззи.

Глава 9
Леви

ЕСЛИ ЧЕГО-ТО НЕ ИЗБЕЖАТЬ,
НЕ СТОИТ И УБЕГАТЬ

Яна трясет меня за плечо, и я сдвигаю бейсболку повыше, чтобы что-то видеть. Черт, всю дорогу прошляпил! Не следовало забывать, что на мне как-никак обязанность присматривать за учениками, но нужно признаться самому себе, что здесь, в автобусе, пренебречь этой обязанностью едва ли возможно. Зевнув и потянувшись, я опускаю ноги с поручней и опираюсь на них руками.

– Сейчас приедем, – неизвестно зачем говорит Яна. Я знаю эти края, езжу сюда уже много лет. Она не имеет в виду ничего плохого.

Поэтому я отвечаю лишь коротким «знаю», стараясь, чтобы мой ответ не прозвучал грубо или раздраженно. Яна едет вожатой в лагерь всего второй раз, она получила это место в прошлом году. Пиа, напротив, знает всю процедуру, она ведет в «Святой Анне» спортивные занятия и в школе несколько дольше.

На небе ни облака, солнце печет вовсю, и воздух в автобусе такой отвратительный, что мне не хочется больше об этом думать. На спине футболка мокрая от пота. Элизабет, кото-

рую мы зовем просто Эли, умело маневрирует на поворотах. Порой она так резко жмет на тормоза, что всех нас сначала бросает вперед, чтобы затем отбросить на сиденья. По автобусу проносятся короткие стоны и негромкие вскрики. Ну да, Эли либо тормозит совсем, либо вовсе не тормозит. Это девиз ее жизни.

Пиа и Яна, поднявшись, поворачиваются к нашим новым ученикам, и Пиа берет слово.

– В «Святой Анне» этот лагерь – давняя, всем полюбившаяся традиция. Если не в ближайшие три недели, то когда-нибудь вы узнаете и поймете, почему это так. – Она победно улыбается. – Меня зовут Пиа и ко мне вы можете обращаться по любым вопросам, а также к Яне и Леви. Правила в лагере простые, они записаны в памятке, которую мы вам раздадим позже. Самое важное правило: уважайте границы, свои и наши.

Она делает паузу, чтобы ее слова улеглись в сознании. Многие наверняка спрашивают себя, как что-то подобное может быть основным правилом. Очень просто: большинство детей не знают границ или не знают никого в своем окружении, кто бы эти границы соблюдал.

– Выйдя из автобуса, заберите у Эли свои чемоданы и идите за Яной. Она покажет вам ваши палатки. Запланировано несколько совместных дел, а также совместные завтраки, обеды и ужины, а в остальном в вашем распоряжении много свободного времени. Если вы соберетесь обследовать мест-

ность, сообщите об этом заранее. Это обязательно, – особо подчеркивает она, а затем дружелюбно добавляет: – Мы желаем вам чудесно провести три недели каникул!

После этого они с Яной выходят из автобуса, а за ними следом и первые новобранцы. Не двигаются с места только две девчонки в последнем ряду, и я пытаюсь выяснить, что происходит. Та, что справа от меня, чуть ли не в панике машет рукой и наконец быстро и резко толкает ту, что слева. Почти все уже вышли. Девчонка слева, похоже, спала. Проходит несколько секунд, пока она понимает, что мы приехали. Обе почему-то в смятении переглядываются, затем девчонка хватает свой рюкзак. Увидеть больше мне мешают сиденья. Но эта парочка наконец тоже поднимается с мест, и я, покинув автобус, встаю немного в стороне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.